

Современная концептуализация Парменида: интервью И.В. Берестова «Южному полюсу»

Игорь Владимирович Берестов

Д.ф.н., вед. научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН,

berestoviv@yandex.ru

Modern Conceptualization of Parmenides: I.V. Berestov's Interview to «The South Pole»

Igor V. Berestov

*Ph.D., Leading Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian
Academy of Sciences, berestoviv@yandex.ru*

© И.В. Берестов (Новосибирск). berestoviv@yandex.ru. Институт философии и права
СО РАН. Южный Полюс 9 (1) (2023) DOI: 10.18522/2415-8682-2023-9-2-9

Вопрос 1: *Защита докторской степени по истории философии, по античной философии, событие совсем не рядовое, что там говорить, в масштабах российской науки. Как Вы отважились, какие рецепты, секреты можете нам поведать? Понятно, упорный труд, но что сущностного, что лежало в основе такой убеждённости в своей теме, возможности её защитить?*

Не думаю, что это такое уж нерядовое событие. Я защищался в совете Томского государственного университета, и пока я оформлял необходимые документы, там было защищено несколько докторских диссертаций по истории философии. «Отважился» же я на это предприятие просто потому, что в Институте философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск), где я работаю, сотрудники и руководство института меня постоянно убеждали в необходимости это сделать. Думаю, что я никогда не защитил бы диссертацию без такого стимулирования и поддержки.

Защита докторской была вызовом, на который я почувствовал, что должен ответить. Вероятно, неплохо ставить перед собой цель не слишком простую и легко достижимую, но всё же достижимую в принципе. И тогда движение к этой цели само со себе придаёт осмысленность труду. В этом случае получается убедить себя, что это не совсем сизифов труд, потому что можно отмечать прогресс. Встроенность в систему научного сообщества, наличие внешних механизмов контроля и даже принуждения – это имеет свои плюсы.

Конечно, я всё слишком затянул, первые статьи, материал из которых в каком-то виде вошёл в диссертацию, были написаны 14 лет назад. Имея в виду такой опыт, я теперь могу сказать потенциальным соискателям, что так долго писать диссертацию не следует. Концепция диссертации за такое время изменилась несколько раз, мне пришлось переделывать свои даже самые общие подходы несколько раз, а значит, многократно переписывать текст.

Что касается того, почему я защищал диссертацию именно с таким названием («Аргументация Парменида против множественности сущего в свете древнегреческих и современных концептуализаций»), и почему я был убеждён, что её можно защитить... Это название указывает на довольно большую часть того, что я делал, начиная с 2008 г. Начиная примерно с этого времени, я заинтересовался использованием логики для интерпретации текстов античных философов, Парменида и других. Сначала мои попытки были очень мало

формализованы, постепенно они становились более формальными. Я был убеждён, что диссертацию по такой теме можно защитить, поскольку много лет потратил на споры с самим собой, пытаюсь проверить и опровергнуть свои рассуждения, когда писал статьи, которые, после многократного переделывания, вошли в диссертацию. Поддержка в родном институте на философском факультете Томского государственного университета также убедили меня в этом.

Вопрос 2: *Вопрос дисциплинарного характера, касающегося специальности. Касается возможной коллизии между историей философии и логикой. В Вашем тексте присутствуют в большом количестве формулы с кванторами, как Вам удалось остаться в специальности история философии, заставить служить их на Ваши задачи? Другими словами, выбранные Вами современные концептуализации Парменида, они, выходит, не являются по своему характеру полностью логико-математическими?*

Действительно, диссертация, с одной стороны, посвящена Пармениду, а с другой стороны, в ней используются современные технические средства, в том числе синтаксис доксистических логик, а в первой главе – перспективалистская семантика В. Эдельберга. Для России этот подход несколько непривычен, хотя за рубежом использование формализаций при интерпретации древних текстов довольно распространено, например, такой подход к истории философии осуществлён в статьях, опубликованных в журнале “Logical Analysis and History of Philosophy”. Так что я придерживаюсь одного из вполне уважаемых направлений истории философии, хотя и не очень распространённого среди отечественных исследователей. В последние десятилетия философия, прежде всего, аналитическая философия, активно использует логику, и очень часто выходят «пограничные» работы, доклады о которых делаются как на философских, так и на математических конференциях. Разумеется, это связано, помимо прочего, с попытками философов найти своё «место под солнцем» в новых социо-гуманитарных реалиях, что обуславливают в том числе и методологию отдельных направлений философии, цель и процесс поиска в этих направлениях, а также употребляемый в их рамках язык. Ведь формализация – это просто язык, который удобен для целей, поставленных тем, кто его использует. Одна из целей использования формального языка состоит в том, чтобы сделать философский дискурс по возможности более строгим, показать, что можно проводить более чёткую и формальную аргументацию, выявлять и по возможности решать проблемы философского характера. А значит, естественно, чтобы такое стремление к представлению аргументации распространилось также и на трактовку классических философских текстов прошлого, т. е. распространилась на историю философии.

Вместе с коллегами по Институту философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (прежде всего, я имею в виду М. Н. Вольф и О. А. Доманова) была разработана методология «аналитической истории философии», и нами в 2019 г. была опубликована коллективная монография с таким названием. В рамках нашего подхода наша позиция скорее апроприационистская, чем контекстуалистская, но я полагаю такой подход легитимным и считаю, что по-прежнему занимаюсь историей философии. Здесь отчасти стирается граница между историей философии и философией (подобно тому, как в некоторых направлениях современной аналитической философии стирается граница между философией и математической логикой): историк философии одновременно выступает в роли философа, который вовлекается в дискуссии со своими предшественниками.

Если попытаться сформулировать представленную в диссертации методологию истории философии более точно, то можно сказать, что она основывается на «проблемном подходе к истории философии», разработанном в 2004-2007 гг. совместно с М. Н. Вольф, и развивает его. А именно, я попытался развить и обобщить «логическую ветвь проблемного

подхода». «Логическая ветвь проблемного подхода» предлагала определять значения философских текстов через проблемы, попытки сформулировать и решить которые образуют цепочки философских аргументов, раскрывающих значимость входящих в них аргументов. При этом в число рассматриваемых аргументов допустимо включать не только те аргументы, о которых мы можем с большой степенью уверенности сказать, что они использовались рассматриваемыми философами. В диссертации, отталкиваясь от «логической ветви проблемного подхода», я попытался обосновывать методологию, подходящую для интерпретации сохранившихся фрагментов поэмы Парменида, в которых содержатся аргументы против множественности сущего.

Эта методология позволяет, с одной стороны, не впадать в анахронизм, не приписывать древним философам убеждения, удивительно напоминающие современные, а с другой стороны – не предаваться антикваризму, не превращать работу историка философии в описание осколков давно вымершей культуры, не имеющей никакого отношения к тому, что волнует людей сейчас. Это делается посредством устранения во многом ответственного за непрекращающийся спор контекстуалистов и апроприационистов смещения того значения текста, которое историк философии полагает содержащимся в уме древнего философа (или, если такое значение признаётся неопределимым, то значения, которое можно было бы приписать древнему философу с достаточной степенью правдоподобия, и которое определяется с помощью изучения контекста написания рассматриваемого текста), и значения, отражающего «жизнь» содержания этого текста в последующих (вплоть до современных) философских дискуссиях. Последнее значение я назвал «производным значением».

При построении производного значения допустимо использовать перевод, скажем, древнегреческого текста на современный технический язык. При этом интерпретатор сам подбирает этот язык и его семантику. Важно подчеркнуть, что получившийся перевод не претендует на выражение того, что древний философ думал «на самом деле», а является средством помещения того аргумента, который логически мог бы выражаться в дошедшем до нас древнем тексте, в контекст философских дискуссий, вне зависимости от того, связаны эти дискуссии с исходным текстом исторически или нет.

Поскольку конструируемое в соответствии с предлагаемой нами методологией производное значение философского текста не претендует на совпадение с тем содержанием, которое придавал тексту сам его автор, наша методология не является «классической» историко-философской методологией, и сравнительно мало используется в российских историко-философских исследованиях. Однако можно показать, что историко-философское исследование, проведённое с использованием разрабатываемой нами методологии, является историко-философским исследованием в той же мере, что и историко-философское исследование, проводимое с использованием «классической» методологии.

Действительно, одной из широко признаваемых в историко-философском сообществе целей историко-философского исследования является анализ используемой философами аргументации. Этот анализ включает в себя исследование структуры философских аргументов, оценку их философской значимости, выявление их сильных и слабых сторон, распознавание связи анализируемых аргументов с другими философскими аргументами и положениями. Для достижения этой цели необходимо поместить рассматриваемые аргументы в контекст обсуждения связанных с ними аргументов и контраргументов (включая обсуждение посылок аргументов и способов обоснования тезисов). Кроме того, необходимо выявить различные способы представления рассматриваемых аргументов. При этом следует иметь в виду, что оценка философской значимости аргументов некоторого философа не ограничивается сопоставлением их с аргументами только его современников. Значимость аргументов античных философов

может раскрываться через их роль в современных дискуссиях и через современные (в т. ч. формальные) способы представления этих аргументов, что отражается в конструируемом нами производном значении текстов, содержащих эти аргументы. Поэтому можно сказать, что разрабатываемая мною методология историко-философского исследования подходит для определения философской значимости аргументов некоторого философа, а «классическая» методология подходит для реконструкции того содержания, которое сам этот философ вкладывал в написанные им тексты, но обе методологии являются методологиями именно историко-философских исследований, и проведённые с их использованием исследования являются историко-философскими.

Перед началом конструирования значений текстов указанных типов требуется осуществить перевод текста с языка написавшего его философа на технический язык для конструируемой интерпретатором модели. Для осуществления этого перевода на первом этапе используются метод текстологической реконструкции – привычный для историков философии метод работы с оригинальным древнегреческим текстом. Используя этот метод, интерпретируемые древнегреческие тексты переводятся на русский язык, подбирается подходящий для целей интерпретации перевод, он выбирается из в принципе допустимых переводов. Затем, на втором этапе, для русского перевода подбирается подходящая формализация. Желательно подобрать такую интерпретацию текста, которая позволила бы подчеркнуть философскую значимость содержащегося в этом тексте аргумента, что открыло бы возможность построения богатого, содержащего философски интересные аргументы и положения производного значения рассматриваемого текста. Чтобы осуществление такой интерпретации стало возможным, на этапе перевода древнегреческого текста на русский язык мы накладываем на допустимые интерпретации меньшее число ограничений, чем обычно признают сторонники «классической» историко-философской методологии.

В разработанной мною методологии при построении производного значения некоторого философского текста нет «классических» ограничений на область допустимых интерпретаций этого текста. Например, эта область не ограничивается так, чтобы она содержала только те интерпретации, которые согласуются с другими текстами рассматриваемого философа, с текстами из его окружения, с техническими средствами и концептуальным аппаратом, доступным рассматриваемому философу, и не содержала бы «антиисторических» интерпретаций. Это ослабление ограничений на допустимые интерпретации текста делает невозможным приписывание полученной интерпретации автору рассматриваемого текста (ведь в предлагаемом мною способе построения производного значения отсутствуют какие-либо основания для такого приписывания), но делает более вероятным построение такого производного значения этого текста, которое содержит философски значимые тезисы и аргументы, а также интересные связи между аргументами (в том числе из весьма разнородных философских областей и дискуссий), проливающие свет на эти аргументы.

С формальной точки зрения, разработанный мною способ построения производного значения основывается на специально для этого построенной семантике сообщений об убеждениях (которая, в свою очередь, опирается на перспективалистскую семантику В. Эдельберга). Ещё раз подчеркну, что этот способ не сводит работу по установлению содержания античных философских текстов к текстологии, изучению обстоятельств написания философской работы, и к максимально точной передаче мнений философов прошедших эпох. Напротив, производное значение текста древнего философа раскрывается через философские дискуссии, с которыми его можно связать, и эти дискуссии могут относиться к любой эпохе (в том числе и к современности), а также могут быть сконструированы в ходе анализа аргументов и не иметь места в реальности. Тем не менее, моя концептуализация Парменида, как Вы верно заметили, не является полностью «логико-

математической». Я имею в виду, что построенное в диссертации производное значение аргументации Парменида против множественности сущего не является полностью произвольным, не связанным с текстом поэмы Парменида. Связь есть, но также есть связь с последующими философскими дискуссиями, современной терминологией и созданными для выражения этих дискуссий языками.

Вопрос 3: *Какой вопрос из аудитории, или от официальных оппонентов, или от любого – рецензента, или вообще возникший когда-либо при обсуждении, Вы бы назвали самым для Вас интересным и продуктивным?*

Было несколько весьма интересных вопросов. Мне запомнился первый же вопрос, заданный после моего доклада д. филос. н., проф. В. А. Ладовым, членом диссертационного совета. В. А. Ладов отметил, что я претендую на наличие связи между аргументацией Парменида и многих последующих древнегреческих философов, и поинтересовался, не вывожу ли я Протагора из Парменида? Это было бы поистине странным тезисом.

Но я не вывожу Протагора из Парменида. Дело в том, что Парменид, в моей интерпретации, пытался доказать немножественность, единство сущего, т. е. неразличимость конститuent объекта, который он называет «сущим», в моей трактовке ментального объекта. Это Парменид доказывает с помощью двух посылок, одной из которых является холистическое допущение. Ни у кого из последующих философов такого допущения не было. Но с помощью формальной записи мы можем показать, что это холистическое допущение, в котором идёт речь об абсолютно другом целом, об абсолютно других объектах, присутствует у последующих философов, в том числе – у Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика. Это не означает, что Протагор является парменидовцем. Просто одна из посылок Парменида может быть приписана Протагору. Протагор, конечно, не делал тех выводов, к которым пришёл Парменид. Протагор, в своём тезисе о человеке как мере всех вещей, никоим образом на множественность сущего не покушается. Просто он говорит так: воспринимающий субъект и то, что он воспринимает, неважно, что это такое, они очень тесно связаны. Что кто-то воспринимает, то для него и есть. Мы здесь видим очень сильно связанное целое, которое можно назвать холистическим целым: субъект с его восприятием для Протагора составляет такое целое, что ни одна из его конститuent не может существовать без других. Это можно назвать протагоровским холистическим допущением. Для меня такое-то восприятие правильное и хорошее, для кого-то другого – другое. Если мы заменяем какую-то часть в холистическом целом, все части становятся различными. Именно об этом я пытался сказать, когда говорил, что у Протагора тоже можно обнаружить холистическое допущение, но это другое холистическое допущение, речь в нём идёт о совсем другом холистическом целом.

Что касается Парменида, то, в моей интерпретации, Парменид принимает холистическое допущение для внутреннего объекта мышления. Это допущение можно сформулировать, например, так: конститuent внутреннего объекта мышления могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе.

Второе допущение, которое используется Парменидом (и аналог которого отсутствует у Протагора), представляет собой критерий тождества конститuent внутреннего объекта мышления. Это допущение можно записать, например, так: конститuent внутреннего объекта мышления тождественны друг другу, только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе.

Из этих двух допущений следует, что конститuent внутреннего объекта мышления тождественны друг другу. Это заключение, в моей интерпретации, является знаменитым тезисом Парменида о единстве сущего. Подобного тезиса у Протагора тоже не было.

Ещё один интересный вопрос задала д. филос. н., проф. Г. И. Петрова, член диссертационного совета. Г. И. Петрова спросила: можно ли, не влезая в ум давно умершего философа, его как бы реанимировать в новых контекстах и приписывать Пармениду то, чего он не говорил? Не игра ли это интеллектуальная современных авторов, не имеющая отношения к истине?

С моей точки зрения, это очень серьёзный вопрос, не игра ли вообще все, чем занимаются историки философии, ведь у каждого нового поколения свой Парменид, Платон и так далее? Ответить на этот вопрос трудно. Может быть, это игра. И сама философия в каком-то смысле игра. Но эти игры важны для нас, для нашего существования, для попыток его осмыслить.

Не приписываю ли я Пармениду то, что он не говорил, то, что стало актуальным в последующих дискуссиях, то, что стали обсуждать в совершенно другое время, а во время Парменида не обсуждали? На это вопрос я могу ответить. Этот вопрос вызвал к жизни моё стремление написать первую главу диссертации, методологическую, где говорится о споре апроприационизма с контекстуализмом. Действительно, это стандартное контекстуалистское обвинение апроприационистов, и Вы это совершенно верно подметили. Их как раз в этом и упрекают – в модернизации, аисторичности или антиисторичности, в общем, в приписывании человеку того, чего он не говорил, то, что он не думал.

Для того чтобы уйти от этого обвинения, я сделал следующее. Я сказал, что у апроприационистов и контекстуалистов своя работа, своя задача, своя методология под эту задачу. И их не следует путать. Апроприационист рассматривает Парменида в контексте современных дискуссий, находит какие-то структурные сходства, интересные параллели с совершенно другими обсуждениями. Если это получается сделать, апроприационист говорит, что он рад, что он чего-то добился. Но это не означает, что апроприационист что-то приписывает, например, Пармениду, вот на чем я настаиваю. У нас есть два типа значения, одно из них, действительно, тесно связано с контекстом написания работы, и оно, может быть, связано с тем, что философ думал, хотя, конечно, непонятно, как нам залезть в его сознание. Это контекстуализм. А апроприационизм в принципе этим не занимается, он строит значение текста Парменида как некоторое множество дискуссий, в которых этот текст упоминался бы, если бы этот текст был написан на соответствующем языке. То есть апроприационист строит мостики, но не приписывает текстам Парменида какие-либо теории, которых он не мог придерживаться. Приписывание получившегося значения текстам Парменида, отождествление его с содержанием мышления Парменида было бы вторжением на чужую территорию. Я потому и различаю два типа значения, что каждый лагерь занимается своим типом значения, и если мы согласимся, что количество значений, которые интерпретатор обнаруживает в тексте, больше, чем одно, то у нас не будет проблем. Да, проблема в том, что обычно люди, и в том числе историки философии, считают, что у текста имеется значение только одного типа. Но так не получается, у нас имеется две разные методологии, обе они могут быть осмысленны, если мы в результате применения этих методологий получаем значения разных типов.

Очень интересное замечание и предложение для дальнейшего исследования сделал официальный оппонент, д. филос.н., проф. Р. В. Светлов. Р. В. Светлов сказал, что можно предложить ещё одну дополнительную область, на которой может быть проверена методология диссертации – именно в отношении утверждения единства ментального объекта. Имеется в виду полемика вокруг «четырёх основных положений», представленная в «Учении академиков» Цицерона. Важнейшей темой здесь является «согласие», которое в стоической когнитивной эпистемологии обеспечивает истинность нашего ментального акта, имеющего своим результатом практическое действие. Единство этого ментального акта не терпит внутреннего различия или сомнения, к тому же оно направлено на всегда уникальное, а потому неповторимое и в этом смысле единое состояние дел. С другой

стороны, скептическая критика концепта «согласия» исходит из иной когнитивной неразличимости – истинного представления и точно такого же представления, его буквальной копии, но ложной. Таким образом, Р. В. Светлов указал, что в данной полемике можно проследить дискурсы, схожие с теми, которые исследуются в диссертации, только используемые обеими её сторонами.

Замечание Р. В. Светлова касается критики стоической концепции «согласия» со стороны скептиков. Изложу своё понимание трактовки Р. В. Светловым этой полемики. Для стоиков, если мы даём «согласие» (*сюнкататэсис*) на «схватывающее (или постигающее) представление» (*фантасиа каталэптикэ*), то наше представление безошибочно в том смысле, что оно соответствует именно той реальной вещи, от которой представление происходит, в схватывающем представлении мы воспринимаем реальную вещь в полноте, достаточной, чтобы не перепутать эту вещь со сходной с ней. При этом нет двух вещей, неразличимых по своим свойствам (например, нет двух одинаковых куриных яиц). Это означает, что два схватывающих представления для стоиков различны если и только если породившие его реальные вещи различны. Это означает, что (1) схватывающее представление, (2) интенциональный акт, которым постигается схватывающее представление, (3) направленный на схватывающее представление интенциональный акт «согласия» и (4) породившая схватывающее представление реальная вещь образуют холистическое целое, удовлетворяющее анализируемому в диссертации варианту холистического допущения. Это означает, что холистическое допущение используется стоиками – как и Парменидом.

Критикующие же стоиков скептики полагают, что схватывающее представление может быть ошибочным, т. е. мы можем, например, иметь одно и то же схватывающее представление о двух различных вещах – в силу несовершенства органов восприятия, искажений, вносимых средой между воспринимаемой реальной вещью и органом восприятия, и так далее. Это означает, что скептики, как и критикуемые ими стоики, также признают объект, конститuentы которого образуют холистическое целое, удовлетворяющее рассматриваемому в диссертации варианту холистического допущения. Однако из конститuent этого целого исключена реальная вещь.

Если это то, что имел в виду Р. В. Светлов, то это крайне интересное направление применения моего подхода по обогащению производного значения релевантных текстов Парменида с помощью аргументов, в котором используется какая-либо версия холистического допущения. Это направление я просмотрел, большое спасибо Роману Викторовичу за очень важную подсказку.

Вопрос 4: *Вывод Вашего исследования: что Парменид говорит о том, что внутренний объект, постигаемый объект целостен и неразличим, и он неразличим тогда и только тогда, когда мыслится целиком, можно считать окончательным?*

Это является, в моей интерпретации, заключением аргументации Парменида в пользу единства сущего, или тезисом о единстве сущего. Разумеется, это только одна из интерпретаций Парменида, и в диссертации подробно разбираются другие современные интерпретации. Подавляющее большинство современных интерпретаций Парменида несовместимо с предлагаемой мною интерпретацией, поскольку «сущее» в поэме Парменида трактуется в них как реальный объект, а не как «внутренний объект мышления». Единственная трактовка Парменида, однозначно поддерживающая трактовку «сущего» как «внутреннего объекта мышления», принадлежит Дж. Баррингтону. Ей противостоят трактовки А. Мурелатоса, М. Фёрта, П. Кёрд и других знаменитых исследователей Парменида. Поэтому было бы крайне неосмотрительно говорить об «окончателности» моей трактовки. Я могу заметить лишь, что моя трактовка отличается от множества

предложенных историками философии тем, что встраивает Парменида в большое число античных и современных дискуссий.

Во-первых, с использованием современной техники формализаций сообщений о пропозициональных установках мне удалось показать, что предлагаемая трактовка аргументации Парменида против множественности сущего связывает Парменида с аргументами античных философов после Парменида. А именно, в диссертации построена и обоснована интерпретация тезиса *homo mensura* Протагора, некоторых текстов Горгия (*MXG VI*, §§ 23, 25, 26), Платона (*Euthydemus* 286a–b; *Laches* 198d–199a, *Meno* 79c; *Thaet.* 154a, 159e–160a; *Parm.* 134d–e; *Soph.* 263a–b), Секста Эмпирика (*Pyrr.* II, 4–6; 109; 117–120; 144; *Adv. math.* VII, 305–307; VIII, 337) и Плотина (V.9.5–6 и др.), в соответствии с которой положения, используемые в этих текстах, выводимы из вариаций используемого в моей интерпретации Парменида допущения о холистическом характере сложного объекта.

Во-вторых, использование указанного формального аппарата позволило также связать аргументацию Парменида против множественности сущего с современным обсуждением допущения о холистическом характере сложного объекта: с дискуссиями о ментальном холизме (К. Бах, Н. Блок, М. Эсфельд и др.), о проблеме интенционального тождества (П. Гич, В. Эдельберг и др.) и о допустимости присутствия в двух возможных мирах совпадающих объектов (Я. Хинтиikka).

Моя трактовка Парменида является текстологически допустимой, если речь идёт об исследовании исключительно сохранившихся фрагментов поэмы Парменида. Но она ни в коей мере не является окончательной. Думаю, что окончательная трактовка античных философских текстов невозможна. Повторюсь, нравится нам это или нет, со времён, по крайней мере, Гегеля, у каждого Поколения историков философии свой Платон, свой Аристотель, и т. д.